

УДК 81-13, 165.12

Г. Г. Старикова
кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії

Харьковского национального университета радиоэлектроники

РОЛЬ ИМПЛИЦИТНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЯЗЫКА В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО»)

Постановка проблемы. За последние десятилетия в трудах по философии языка и лингвистике авторы все чаще обращают внимание на важную роль имплицитных составляющих когнитивного процесса. Однако вопрос о роли имплицитных компонентов и неявных процессов в естественном языке, его возникновении, особенностях структуры и функционирования, влиянии на лексический состав, семантику и грамматику языка остается на периферии как лингвистических, так и философских трудов. Он лишь упоминается вскользь в качестве объясняющего принципа тех или иных языковых феноменов, структурно-функциональному, лингвистическому анализу которых и уделяется главное внимание. Между тем становится очевидным, что без рассмотрения этого аспекта бытия естественного языка невозможно ответить на многие актуальные для современной лингвистики и философии языка вопросы.

Анализ последних исследований по данной теме. Особую актуальность эта проблема обрела в связи со сменой парадигм в современной лингвистике. Структуралистски ориентированная лингвистика (Соссюр, Хомский и др.) рассматривала язык как отдельный целостный «мир» со своими особенностями структуры, принципами и закономерностями функционирования, причем основным предметом исследований были именно структурные особенности. Язык воспринимался исследователями как особый, самодостаточный объект, по типу «третьего мира знаний» у К. Поппера, его связи с действительностью сводились к минимуму. С возвратом лингвистики к принципам Гумбольдта в конце XX века ведущей парадигмой становится культурологическая, этноцентрированная парадигма. Согласно этой концепции, язык рассматривался, в первую очередь, как производная национальной культуры. Однако такой подход неявно подразумевал и определяющую роль в формировании языка более широкого внешнего фона, а именно окружающей реальности, в которой осуществляется жизнедеятельность этноса, так называемой этносферы. Большая часть современных работ в этом направлении осуществлялась в рамках сугубо лингвистических исследований – это труды таких исследователей, как Ю. Лотман, Дж. Брунер, Б. Серебрянников, В. Телия, О. Падучева и других. Среди множества подобных работ мы хотели бы обратить внимание на труды отечественных исследователей Р. Кыся «Мова, думка і культурна реальність» (від Олександра Потебні до гіпотези мовного релятивізму) [1] и И. Голубовской «Етнічні особливості мовних картин світу» [2]. В работе Р. Кыся детально рассматривается проблема национальной специфики концептуализации окружающего мира в этническом языке, причем особое внимание уделяется вопросу о концептуализации пространственных представлений в языках современных «примитивных» народов. Однако анализ этой проблемы, при всей его глубине и детальности, является сугубо лингвистическим и не выходит на уровень философских обобщений. Значительно ближе к проблематике философии языка находится работа И. Голубовской, в которой исследуются базовые характеристики такого фундаментального синкретического феномена, как национально-языковая картина мира. При этом, наряду с фундаментальными теоретическими положениями, в работе присутствует большой массив конкретной иллюстративной информации, подтверждающей те или иные концептуальные положения. Однако здесь не обращается отдельное внимание, во-первых, особенностям отображения этносферы в национальном языке, во-вторых, как и у предшественни-

ка, практически не затрагивается вопрос об имплицитности, неявности, внесознательности исследуемых структур и феноменов языка. Эта особенность лингвообразования и функционирования языка не учитывается и не исследуется, пожалуй, ни в одной современной работе по данной проблеме. Даже известный и уважаемый специалист в этой области А. Вежицкая лишь вскользь ссылается на подобные особенности языковых процессов. Значительный, хотя и малоизученный вклад в изучение проблемы концептуализации пространства в естественном языке внес в свое время Ю. Степанов, предложивший свой подход к проблеме.

С другой стороны, проблема имплицитной составляющей человеческого знания представлена в философских трудах Л. Микешинной и ее школы, в которых детально рассматриваются бесконечно разнообразные варианты имплицитных компонентов и процессов в человеческом познании. Однако и здесь феномен естественного языка упоминается лишь как частный случай, подтверждающий общую концепцию.

Третий подход к проблеме, который представляется нам достаточно существенным и эвристичным, опирается на концепцию аутопозиса, которая дает возможность проанализировать генетику специфически человеческих форм взаимодействия с миром, в частности, и специфику концептуализации этносферы в естественном национальном языке. Сама концепция разрабатывалась для этнологических исследований, поэтому специфически человеческие феномены, такие, как речь, язык и мышление, занимают в ней второстепенное место. Однако мы считаем, что именно эта методология наиболее точно позволит подойти к вопросу об исторических корнях процесса концептуализации мира в естественном языке.

Опираясь на проведенные к настоящему времени исследования, мы можем выделить ряд интересных нас аспектов, которые не были в достаточной мере изучены предшественниками. С одной стороны, это достаточно всеобъемлющая проблема концептуализации окружающего мира в естественном языке, из всего многообразия аспектов которой мы хотели бы сосредоточиться на вопросе о концептуализации пространства. С другой стороны, нас особо интересуют все стороны имплицитного «бытия» языка, в частности, имплицитных характеристик процесса концептуализации в национальном языке реальности в целом и ее пространственных характеристик. Следует подчеркнуть, что практически все процессы, происходящие в языке, на том или ином этапе носят неявный характер – начиная от смыслополагания, номинации и формирования концептов и заканчивая сложными грамматическими конструкциями, которые, конечно, каждым отдельным человеком могут использоваться с опорой на знания определенных правил, но формирование которых обязательно носило имплицитный характер.

Все это позволяет нам сформулировать цель данной статьи – используя различные подходы к анализу языковой реальности, рассмотреть процесс возникновения, смыслового наполнения и функционирования концепта «пространство» в различных естественных языках как преимущественно имплицитный, неявный, внесознательный процесс, имеющий, несмотря на отличия, несомненное сходство в различных национальных языках.

Основной материал исследования. Концепт пространства является одним из базовых как для каждого этноса и его национального языка, так и для интерсубъективной в

самом широком смысле науки и философии. Но если в науке и философии данный концепт, как и любой другой, четко и однозначно определен, то в естественных языках его семантическое наполнение может значительно отличаться от словарного определения, основанного на строго научных, а не повседневных знаниях.

В этом концепте находят свое семантическое воплощение человеческие представления не об отдельных вещах, предметах, объектах, их свойствах и происходящих с ними процессах. Речь идет о более общей, можно сказать, глобальной характеристике Универсума – его способности быть, причем не просто быть, а быть где-то. Это где-то и есть пространство (вспомним Аристотелев концепт места), представления о котором отличаются в различных национальных языках, являясь при этом отображением единого для всех народов объективного «феномена».

Следует сразу заметить, что процесс «кристаллизации» данного концепта (как и других аналогичных, предельно абстрактных концептов) занимает в жизни этноса достаточно продолжительное время и является внеположенным по отношению к субъекту-личности. В силу этого подобная концептуализация по определению носит неявный, внесознательный, имплицитный характер.

Современные исследователи предлагают рассматривать концепт «пространство» в сопоставлении с близким к нему концептом «мир». В духовной культуре (религиозно-мифологическом фрагменте, научном и художественном творчестве) давно уже произошло ментальное расширение первичного концепта, т.е. понятия «мир как обжитое место», и параллельное формирование двух понятий – «ментальный мир» и «мир – Вселенная, Универсум». Пробраз этого процесса можно проследить в развитии и внутреннем устройстве естественного языка. Данные варианты концепта «пространство» нашли свое воплощение в двух подсистемах естественного языка – «семантике» и «референции» (по терминологии Ю. Степанова) [3, с. 6]. Теория семантики рассматривает значения языковых выражений в том виде, как они сложились на протяжении длительного времени и закрепились в системе языка. Теория референции рассматривает приложения языковых выражений к объектам мира, как эти приложения складываются в актуальной речи (т.е. в естественном языке); она исследует «возврат» сложившихся в системе языка выражений к действительности, о которой человек говорит в данный момент.

В семантике процесс освоения мира прослеживается по линии пространственной определенности объекта, или, реже, пространственно-временной определенности, т.е. как бы по линии контуров вещи, по степени ее выделенности из фона. Следует отметить, что неосознаваемый процесс «выделения предмета из мира», определения его границ субъективно-национален, специфичен для каждого языка: один народ видит одни свойства, другой – совершенно другие. В древних индоевропейских языках сфера этой категории – как внешний, природный мир, так и внутренний – но тоже природный, а не «ментальный» мир человека. Так, равно безличными будут предложения На дворе морозно и На душе мерзко. Лингвисты считают, что предикаты этих предложений происходят от одного и того же индоевропейского корня *merg-* (или *morg-*), и, следовательно, слова морозить и мерзить – «вызывать отвращение», как бы «вызывать мороз в душе» – это, в сущности, варианты одного и того же слова [3, с. 7]. В европейских языках таких примеров множество, и мы видим, что в них перед нами предстает внутренний мир человека, освоенный по образцу внешнего. Но этот внутренний мир – все еще не вполне «ментальный», это – не мир мыслей, логики, а мир неких внешних сил, вызывающих состояние духа и чувства.

Референция, в отличие от семантики, имеет дело не с пространственной определенностью вещи, а с логической определенностью. По линии референции мир осваивается человеком «от себя», от ближайшего пространства, – к пространству «вне себя», к более дальнему. Но результатом освоения оказывается уже создание не «мирочувств»,

а подлинно ментального, логического мира. При рассмотрении этого процесса следует обратить внимание на две особенности. Во-первых, ментальное, или «идеальное», или воображаемое пространство формируется именно как пространство референции, т.е. в формах языка. Во-вторых, ему предшествует, под ним лежит, «его подстигает» (по-англ. *underlies*) пространство семантики, т.е. мыслимое именно как видимое пространство, в котором размещены «вещи».

В-третьих, в семантическом пространстве выделяется некое ядро – концепт «место». В истории культуры неоднократно наблюдаются такие представления о месте, в которых оно мыслится как некое «пустое пространство», в котором можно размещать и передвигать «вещи». Но формы языка, о которых идет речь, говорят о другом: «вещь» и «место», по-видимому, в древнейших доисторических представлениях соединены.

Именно такое представление мы находим, притом уже в обработанной концепции, у Аристотеля: «Место кажется чем-то особенным и трудным для понимания оттого, что имеет видимость материи и формы, и оттого, что в находящемся в покое объемлющем теле происходит перемещение движущегося (тела)... представляется, что место – это не только граница сосуда, но и лежащее между ними, как бы пустота. Подобно тому, как сосуд есть переносимое место, так и место есть неподвижный сосуд... Место существует вместе с предметом, так как границы (существуют) вместе с тем, что они ограничивают» [4, с. 132]. Невозможность существования «места», или «пространства» независимо от материи (т.е. как бы «пустого места» независимо от «вещей» в нем находящихся) была концептуализирована в теории относительности. С философской и культурологической точки зрения интересно, однако, что прообраз этой идеи содержится уже у Аристотеля, и в предыстории всех концептов – в формах языка (имеются в виду «внешние» формы – звуковой строй языка и фонетический облик слов, обеспечивающий их различие). Сходное представление о единстве вещи и места мы можем встретить в языках народов, по-прежнему живущих в непосредственной связи и зависимости от окружающей среды, например, северных оленеводов и др.

«Семантика» в этой интерпретации имеет «в пределе», в исходной точке, по мнению ряда исследователей, вульгарный географический детерминизм. Однако мы не можем согласиться с данными формулировками, поскольку и то, и другое как нельзя лучше вписывается в современную концепцию аутопозиса. Видимо, проблема лишь в трактовке понятий. Аутопозис предполагает, во-первых, наличие окружающей среды, в которой существует данный вид живых организмов; во-вторых, активную жизнедеятельность организмов внутри данной среды, причем результат этой жизнедеятельности двоякий – с одной стороны, банальное приспособление для выживания, но с другой – преобразование окружающей среды по мере своих сил и в своих интересах, в соответствии со своими потребностями. На уровне человека процесс аутопозиса и его результаты обретают более сложную, нежели у животных, форму. По сути, каждый результат аутопозиса, а позже – и сам процесс с необходимостью обретает знаковое, символическое, т.е. языковое воплощение. Иными словами, в процессе аутопозиса формируется комплекс взаимоотношений со средой, который первоначально закрепляется на перцептивном уровне, а затем обретает языковые формы, постепенно «кристаллизуясь» на лексическом, грамматическом и др. уровнях языка. Как отмечал Р. Кысь, «следы такого праксиса как специфических структур и форм жизнедеятельности и жизнетворчества в семемной микроструктуре слов дают основания утверждать, что начальная довербальная ступень смыслотворчества на уровне представлений, образов в лоне непосредственного практического опыта предшествовала вербализации-концептуализации смыслов, а следовательно, «отливке» этих смыслов в отдельные категории языковой (лингвокультурной) картины мира» [1, с. 187].

Например, у чукотских оленеводов необходимость постоянной ориентации в пространстве не только способство-

вала развитию лексико-семантических средств, фиксирующих соответствующие пространственные представления, но опосредованно поддерживала и закрепляла формирование в языке грамматических форм, которые в совокупности составляют сложную и разветвленную систему пространственных категорий. В первую очередь обращает на себя внимание существование нескольких локативных падежей существительных (местный, отправной, дательного-направляющий, определяющий), особенностью которых является то, что формы существительного могут обозначать не только названия предметов, но и пространственные отношения. Так, чрезвычайно специфическим является значение существительного в определяющем падеже, обозначающее предмет, относительно которого ориентируется субъект в своем действии. Например, «ориентируясь по дыму» – ныльгыльгыгьэт, «в направлении большого озера» – гытгыгьэт. В определяющих формах, которые на любом европейском языке могут быть отобразены лишь приблизительно и описательно, с помощью словосочетаний, воплотилась тенденция к языковой «конденсации» функционально значимых аспектов локального этнокультурного опыта. Непосредственное проявление этой тенденции можно заметить на лексико-семантическом уровне в кристаллизации таких универбальных понятий, как поннэк – «идти наперерез кому-то» и т.п. [1, с. 194].

Таким образом, «семантический этап» представляет собой базовый, исходный уровень для формирования человеческого языка, он действительно формирует семантическое поле языка (которое потом, с развитием культуры и цивилизации, будет изменяться, причем не обязательно в лучшую сторону – так, мы утратили многие непосредственные знания о своей естественной среде, заменив их абстрактными представлениями о глобальных вселенских процессах). Все последующие, более сложные языковые феномены «произрастают» из этой «семантики».

«Уровень референции» непосредственно связан с популярной в конце XX – начале XXI века релятивистской концепцией языка Сепира-Уорфа. Здесь уже находят свое отражение специфика сложного, развитого естественного языка, в рамках которого происходит «обратный перенос» устоявшейся за тысячелетия «семантики» на окружающий мир, причем, как правило, не на «ближайший мир, в котором я живу», а, скорее, на непознанную (или слабо изученную) Вселенную, внешний, далекий Универсум. В результате как раз и формируется «национальная языковая картина мира», последствия существования которой можно наблюдать даже на уровне специфики национальных наук, при всей позиционируемой интерсубъективности, интернациональности и предельной объективности науки. В частности, как показали работы Г. Гачева еще в конце XX в. и труды А. Вежбицкой начала 2000-х, из национальной культуры, языка и природы в умопостроения мыслителей проникают такие интуиции, которые окрашивают их каждый раз особым образом. В результате инвариант Единого с неизбежностью предстает в различных вариантах, определяемых во многом принадлежностью к той или иной национальной культуре.

Интересные результаты представлены в работе Г. Гачева, который провел анализ этимологии ряда абстрактных понятий в разных языках и, соответственно, разных научных школах, в частности, понятия пространства во французской и немецкой философских школах. Так, представление о пространстве у Декарта связано с семантическими особенностями французского языка, в котором, как и в английском, понятие пространство – *espace* – происходит от латинского *spatium*, этимологически связанного с глаголом *spatior* (шагать). При этом неявно подразумевается «шагать, передвигаться в чем-то, в какой-то среде», что приводит к представлению об изначальной заполненности пространства. Оно целиком заполнено частицами, в нем нет пустот, все испытывает сжатия, растяжения, толчки от соседних частиц (даже свет есть давление частицы на глаз). Иными словами, концепт пространства во фран-

цузском языке того времени предполагал распространение – протяжение – растекание некоей «наполненности», что отразилось и в научных, физических и философских представлениях Декарта. Никакого расстояния нет, оно иллюзия, поскольку движение есть всего лишь смена «соседних» частей.

Немецкий же термин для пространства – *Raum* – имеет прямое значение «пусто», «чисто» (сравните *raumen* – убирать (комнату), очищать (улицу от снега), уносить (мусор), отодвигать, устранять; освобождать). [5, с. 21]. Следовательно, германское чувство пространства есть «отстранение», у-странение. Согласно словарю Паули, «слово *Raum* – общегерманское слово (англ. *room*), корень связан с лат. *rus*, *Land* – земля, обозначает первоначально: пустое, незаполненное (*das Leere, Unausgefüllte*) (откуда также значение производного глагола *raumen*); и лишь вторично: нечто протяженное (*etwas Ausgedehntes* – «вытянутое»), растянутое определенным окружением (*von bestimmter Begrenzung*)» [цит. 5, с. 21]. Следовательно, в германском мировидении важнее «Дом бытия», со стенами и пустотой внутри. Здесь главный вопрос – как образуется пустота, жизненное пространство, а то, что оно есть – это несомненно, это аксиома.

Если у Декарта *extension* – «само из себя вытягивание», растягивание, без размышлений, куда, откуда, а просто импульс, идущий изнутри, то в германском менталитете протяжение сразу, изначально связано с границами, формой, которые извне творят свое «внутреннее», свою внутреннюю пустоту. Стены (пределы) суть субъекты пространства – «отстояния», оно – их функция. И, действительно, стены от-стоят, рас-стоят, рас-ставлены. Если предположить, что между стенами действительно была бы пустота, рассуждает Декарт, то они сошлись бы, ибо на них извне воздействует давление всего мира без встречного давления, и баланс сил нарушен. В германском же понятии действие обратное: стены как бы начинают отступать друг от друга и образуют для себя внутреннюю пустоту «...без оглядки на то, исполнено оно содержимым или нет» [5, с. 21]. Следовательно, по Декарту, протяжение, вытяжение важнее вопроса, куда вытягиваться, само вытягивание и творит себе «место». Таким образом, влияние родного языка на представления и концептуализацию реальности очевидно даже на уровне научных и философских картин мира.

Выводы. Наше исследование показало, что важную роль в изучении объективных свойств реальности может сыграть более глубокое исследование такого специфического познавательного инструмента, как естественный язык и, в частности, огромного пласта его имплицитных составляющих. Нам представляется, что в изучении этого пласта существенную пользу может принести применение представленных выше концептов «семантики» и «референции». Эти типы взаимосвязи языка и реальности можно изобразить в виде следующих схем: (1) «семантика» воплощается в последовательности «Мир – аутопоэзис – язык», (2) «референция» – в обратной и несколько видоизмененной последовательности «язык – деятельность в культуре – Универсум». При этом важно понимать, что Мир рассматривается как целостная, нерасчлененная среда («тот, который мы еще недостаточно знаем, но в котором живем»), где и осуществляется человеческий аутопоэзис. Универсум же подразумевает всю бесконечную Вселенную, на которую «наложена» матрица человеческого познания и которая, в результате, «расчленена» на фрагменты, более или менее изученные человеком, но каждый из которых имеет лексическое воплощение. Благодаря абстрактным понятиям Вселенная предстает перед нами как бесконечная мозаика познанных и непознанных фрагментов. Эти неисследованные фрагменты изучаются путем приложения к получаемой эмпирической информации уже имеющихся, ранее сформировавшихся языковых форм (разумеется, языка науки, а не естественного языка) с опорой на имеющиеся в распоряжении исследователя «культурные инструменты» – не столько собственно приборы и аппаратура, сколько выработанные методы и приемы познания. Эти «инструменты» являются вторичными, про-

изводными по отношению к Миру – информация о его свойствах преобразована сначала аутопоэзисом, позже – культурной деятельностью. Поэтому имеющийся в виде знаний и «рецептурных рекомендаций» для познавательных действий пласт информации существенно отличается от «наивных» знаний аутопоэтического этапа. С одной стороны, современные знания абстрактнее и глубже, с другой, значительно дальше от реального Мира. Следует отметить также, что традиционная лингвистика рассматривает феномен языка преимущественно с точки зрения «семантического» подхода – анализируя его происхождение, развитие, историю и т.п. Релятивистская же концепция в лингвистике подходит к языку с позиций «референции», когда уже имеющаяся языковая матрица накладывается на окружающую реальность. Такое понимание специфики этих подходов может оказаться эффективным для исследований в сфере сравнительной лингвистики, лингвокультурологии и лингвострановедения.

Литература

1. Кись Р. Мова, думка і культурна реальність» (від Олександра Потебні до гіпотези мовного релятивізму) / Р. Кись. – Львів: Літопис, 2002. – 304 с.
2. Голубовська І. Етнічні особливості мовних картин світу / І. Голубовська. – Київ: Логос, 2004. – 283 с.
3. Степанов Ю. Пространства и миры – «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие / Ю. Степанов // Философия языка: в границах и вне границ. – Т. 1. – Харьков: «Око», 1993. – С. 3-19.
4. Аристотель. «Физика» / Аристотель // Собр. соч. в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1981. – С. 98-141.
5. Гачев Г. Национальные образы науки / Г. Гачев. – М.: Просвещение, 1981. – 157 с.

Аннотация

Старикова Г. Г. Роль имплицитных составляющих языка в концептуализации реальности (на примере концепта «пространство»). – Статья.

Статья посвящена анализу имплицитных составляющих естественного языка с позиций сформировавшейся в современной лингвистике этноцентрированной парадигмы. Согласно этой концепции, язык рассматривался, во-первых, как производная национальной культуры. С другой стороны, важную роль в формировании языка играет этносфера. Поэтому в исследовании мы опираемся на релятивистский подход в лингвистике и концепцию аутопоэзиса. Имплицитные компоненты языка рассматриваются на примере формирования концепта пространства в различных национальных языках. Анализ осуществляется с использованием двух подсистем языка – «семантики», связанной с миром непосредственного бытия этноса, и «референции», представляющей знания об Универсуме. Особое внимание уделяется изучению влияния

национального языка на формирование научно-философского концепта пространства в европейских языках.

Ключевые слова: естественный язык, имплицитные компоненты, аутопоэзис, концепт пространства, «семантическая» подсистема языка, «референция» как подсистема языка.

Анотація

Старикова Г. Г. Роль імпліцитних чинників мови у концептуалізації реальності (на прикладі концепту «простір»). – Стаття.

Статтю присвячено аналізу імпліцитних чинників природної мови з позицій етноцентрованої парадигми, що сформувалася у сучасній лінгвістиці. Згідно з цією концепцією, мова розглядалась, по-перше, як похідна від національної культури. З іншого боку, важливу роль у формуванні мови відіграє етносфера. Тому у дослідженні ми спираємося на релятивістський підхід у лінгвістиці та концепцію аутопоэзису. Імпліцитні компоненти мови розглядаються на прикладі формування концепту простору у різних національних мовах. Аналіз здійснюється з використанням двох підсистем мови – «семантики», пов'язаної зі світом безпосереднього буття етносу, і «референції», яка надає знання про Универсум. Особлива увага приділяється дослідженню впливу національної мови на формування науково-філософського концепту простору у європейських мовах.

Ключові слова: природна мова, імпліцитні компоненти, аутопоэзис, концепт простору, «семантична» підсистема мови, «референція» як підсистема мови.

Summary

Starikova G. G. The role of implicit language components in the conceptualization of reality (on the example of the concept of “space”). – Article.

The article is devoted to the analysis of the implicit components of a natural language from the standpoint of the ethnocentric paradigm formed in modern linguistics. According to this concept, the language was considered, firstly, as a derivative of the national culture. On the other hand, the ethnosphere plays an important role in the formation of the language. Therefore, in the study, we rely on the relativistic approach in linguistics and the concept of autopoiesis. The implicit components of a language are considered on the example of the formation of the concept of space in various national languages. The analysis is carried out using two subsystems of the language - “semantics”, connected with the world of direct being of the ethnos, and “reference”, which represents knowledge of the Universum. Particular attention is paid to studying the influence of the national language on the formation of the scientific and philosophical concept of space in European languages.

Key words: natural language, implicit components, autopoiesis, concept of space, “semantic” subsystem of language, “reference” as a subsystem of language.